

Карел Чапек

Большая докторская сказка

В давние времена на горе Гейшовине имел свою мастерскую волшебник Мадияш. Как вы знаете, бывают добрые волшебники, так называемые чародеи или кудесники, и волшебники злые, называемые чернокнижниками. Мадияш был, можно сказать, средний: иной раз держался так скромно, что совсем не колдовал, а иной раз колдовал изо всех сил, так что кругом все гремело и блистало. То ему взбредет в голову пролить на землю каменный дождь, а как-то раз до того дошел, что устроил дождь из крохотных лягушат. Словом, как хотите, а такой волшебник – не очень-то приятный сосед, и хоть люди клялись, что не верят в волшебников, а все-таки норовили всякий раз Гейшовину сторонкой обойти, а ежели при этом говорили, будто через нее дальше и в гору высоко ходить, так только для того, чтобы в своем страхе перед Мадияшем не признаваться...

Вот сидел раз этот самый Мадияш перед своей пещерой и сливы ел – большие такие, иссиня-черные, серебристым инеем покрытые, а в пещере помощник его, веснушчатый Винчек – по-настоящему звать: Винчек Никличек из Зличка, – варил на огне волшебные снадобья из смолы, серы, валерияны, мандрагоры, змеиного корня, золототысячника, терновых иголок и чертовых кореньев, коломази и адского камня, трын-травы, царской водки, козьего помета, осиных жал, крысиных усов, лапок ночных мотыльков, занзибарского семени и всяких там колдовских корешков, примесей, зелий и чернобыля. А Мадияш только смотрел за работой веснушчатого Винцека и ел сливы. Но то ли бедняга Винчек плохо мешал, то ли еще что, только снадобья эти в котле у него пригорели, перепарились, пережарились, перекипели или как-то там перепеклись, и пошел от них страшный смрад.

"Ах ты пентюх нескладный!" – хотел было прикрикнуть на нею Мадияш, но второпях перепутал, каким горлом глотать, либо слива во рту у него ошиблась – не в то горло попала, только проглотил он эту сливу вместе с косточкой, и застряла косточка у него в горле – ни наружу, ни внутрь. И успел Мадияш рывкнуть только: "Ах ты пен...", а дальше – не вышло: голос сразу отнялся. Только хрип да сип слышится, будто пар шипит в горшке. Лицо кровью налилось, сам руками машет, давится, а косточка ни туда, ни сюда: крепко, прочно в глотке засела.

Видя это, Винчек страшно испугался, как бы папаша Мадияш до смерти не задохся; говорит решительно:

– Погодите, хозяин, я сейчас сбегу в Гроново за доктором.

И пустился вниз с Гейшовины; жаль, никого там не было – скорость его измерить: наверно получился бы мировой рекорд бега на дальнюю дистанцию.

Прибежал в Гронов, к доктору, – еле дух переводит. Отдышался, наконец, и зачастил, как горох рассыпал:

– Господин доктор, пожалуйста сейчас же, только сейчас же! – к господину волшебнику Мадияшу, а то он задохнется. Ну, и бежал же я, черт возьми!

– К Мадияшу на Гейшовину? – проворчал гроновский доктор.

– По правде говоря, дьявольски не хочется. Но вдруг он мне до зарезу понадобится; что я тогда буду делать?

И пошел. Понимаете, доктор никому не может отказать в помощи, даже если его позовут к разбойнику Лотрандо либо к самому (прости господи!) Люциферу. Ничего не поделаешь: такое уж это занятие, докторство это самое.

Взял, значит, гроновский доктор свою докторскую сумку со всеми там ножами докторскими, и щипцами для зубов, и бинтами, и порошками, и мазями, и лубками для переломов, и прочим докторским инструментом, – и пошел за Винцеком, на Гейшовину.

– Только бы нам не опоздать! – все время беспокоился веснушчатый Винчек.

И так шагали они – раз, два, раз, два – по горам, по долам, – раз, два, раз, два – по болотам, – раз, два, раз, два – по буеракам, пока веснушчатый Винчек не сказал наконец:

– Так что, господин доктор, мы пришли!

– Честь имею, господин Мадияш, – промолвил гроновский доктор. – Ну-с, где же у вас болит?

Волшебник Мадияш в ответ только захрипел, засипел, засопел, указывая на горло, туда, где застряло.

– Так-с. В горлышке? – сказал гроновский доктор. – Посмотрим, какое там бобо. Откройте как следует ротик, господин Мадияш, и скажите а-а-а... Волшебник Мадияш, отстранивши ото рта волосы своей черной бороды, разинул рот во всю ширь, но а-а-а произнести не мог: голосу не было.

– Ну, а-а-а, – старался помочь ему доктор. – Что ж вы молчите?.. Э-э-э, – продолжал этот плут, эта лисица патрикеевна, тертый калач, прожженный мошенник, продувная бестия, что-то задумав. – Э-э-э, господин Мадияш, плохо ваше дело, коли вы а-а-а сказать не можете. Не знаю, как с вами быть?

И давай Мадияша осматривать и выстукивать. И пульс ему щупает, и язык высовывать заставляет, и веки выворачивает, и в ушах, в носу зеркалом высвечивает, да себе под нос латинские слова бормочет.

Покончив с медицинским осмотром, принял он важный вид и говорит:

– Положение очень серьезное, господин Мадияш. Необходима немедленная операция. Но я не могу и не решусь ее делать один: мне необходимы ассистенты. Если вы согласны оперироваться, тогда вам придется послать за моими коллегами в Упице, в Костелец и в Горжички; как только они будут здесь, я устрою с ними врачебное совещание, или консилиум, и тогда, после зрелого обсуждения, мы произведем соответствующее хирургическое вмешательство, или operatic operandi. Обдумайте это, господин Мадияш, и, если примете мое предложение, пошлите проворного гонца за моими глубокоуважаемыми учеными коллегами.

Что оставалось Мадияшу делать? Кивнул он веснушчатому Винцеку, тот притопнул три раза, чтобы легче бежать было и со всех ног – вниз по склону Гейшовины! Сперва в Горжички, потом в Упице, потом в Костелец. И пускай его пока бежит себе.

О ПРИНЦЕССЕ СУЛЕЙМАНСКОЙ

Пока веснушчатый Винчек бежал в Горжички, в Упице, в Костелец за докторами, гроновский доктор сидел у волшебника Мадияша и следил за тем, чтобы тот не задохся. Для препровождения времени закурил он виргинскую сигару и молча ее посасывал. А когда уж очень надоедало ждать – кашляет и опять задымит. А то зевнет и троекратно поморгает, чтоб как-нибудь время скоротать. Или вздыхал:

– Ох-хо-хо!

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Через полчаса потянулся и промолвил:

– Э–эх!

Через часок прибавил:

– В картишки бы перекинуться. Есть у вас карты, господин Мадияш?

Волшебник Мадияш не мог говорить, только головой покачал.

– Нет? – проворчал гроновский доктор. – Жаль. Какой же вы волшебник после этого, ежели карт не имеете! Вот у нас в трактире один волшебник представление давал... Пойдите. Как же его звали? Не то Навратил, не то дон Боско, не то Магорелло... Что-то в этом роде... Так он такие чудеса с картами разделявал, ну просто – смотришь и глазам своим не веришь... Да, колдовать – сноровка нужна.

Он закурил новую сигару и продолжал:

– Что ж, коли у вас карт нету, расскажу я вам сказку о принцессе Сулейманской, чтоб не так скучно было. Ежели вы случайно эту сказку знаете, так скажите, и я перестану. Дзиндилины! Начинается.

Как известно, за Сорочьими горами и Молочно–кисельным морем находятся Пряничные острова, а за ними – поросшая густым лесом пустыня Шаривари с цыганским главным городом Эльдорадо. Дальше во все стороны тянется меридиан с параллелью. Тут же за рекой, только мостик перейти и по тропинке влево, за кустом ивняка и канавой с репейником раскинулся великий и могучий Сулейманский султанат. Там уж вы дома!

В Сулейманском султанате, как уже самое название показывает, правил султан Сулейман. У этого султана была единственная дочь, по имени Зобеида. И стала принцесса Зобеида ни с того ни с сего прихварывать, недомогать, покашливать. Чахла, худела, хирела, бледнела, томилась,

вдыхала, – ну просто смотреть жалко. Султан, понятное дело, скорей зовет своих придворных кудесников, заклинателей, волшебников, старух–ведуний, магов и астрологов, знахарей и шарлатанов, цирюльников, фельдшеров и коновалов, но ни один из них не мог принцессу вылечить.

Будь это у нас, я оказал бы, что у девушки были анемия, плеврит и катар бронхов; но в стране Сулейманской нет такой культуры, и медицина там еще не достигла того уровня, чтобы могли появиться болезни с латинскими названиями. Так что можете себе представить, в каком старик султан был отчаянии. "Ах ты Монте–Кристо! – думал он. – Я так радовался, что дочка наследует после моей смерти процветающую султанскую фирму. А она, бедняжка, тает, как свечка, у меня на глазах, и я ничем не могу ей помочь!"

И скорбь охватила всю великую страну Сулейманскую.

А в это время приехал туда один торговец в развоз из Яблонце, некий господин Лустиг. Услыхал он о больной принцессе и говорит:

– Нужно бы султану вызвать врача от нас, из Европы; потому что у нас медицина от вашей далеко вперед ушла. У вас тут одни заклинатели, зелейники да знахари; а у нас – настоящие ученые доктора.

Узнал об этом султан Сулейман, позвал к себе этого самого господина Лустига, купил у него нитку стеклянных бус для принцессы Зобеиды и спрашивает:

– Как у вас, господин Лустиг, узнают настоящего ученого доктора?

– А очень просто, – ответил тот. – Ведь у него перед фамилией всегда стоит "д– р". Например, д–р Манн, д–р Пельнарж и так далее. А если этого "д–р" нету, – значит, он

неученый. Понимаете?

– Ага, – сказал султан и щедро вознаграждал господина Лустига султанками. Это, знаете, такие славные изюминки.

А потом послал в Европу послов за доктором.

– Только не забудьте, – сказал он им, перед тем как они пустились в путь, – что настоящий ученый доктор – только тот, чья фамилия буквами "д–р" начинается. Другого не привозите, а то я вам уши вместе с головой отрублю. Ну, марш!

Если б я вздумал вам пересказывать, господин Мадияш, все, что этим посланцам испытать и пережить довелось, пока они до Европы доехали, слишком длинный получился бы рассказ. Но после долгих–предолгих мытарств, они все–таки до Европы добрались и принялись искать доктора для принцессы Зобеиды.

Пустилась в путь процессия сулейманских послов в чудных одеждах мамелюков, в чалмах и, с длинными, толстыми, как лошадиные хвосты, усами под носом, по темному бору.

Шли, шли – вдруг навстречу им дяденька с топором и пилой на плече.

– Дай бог здоровьица, – приветствовал он их.

– Спасибо на добром слове, – ответили послы. – Кто вы такой, дяденька?

– Дровосек я, с вашего позволения, – объяснил он.

Навострили уши басурманы.

– Вон оно какое дело! Раз вы, ваше превосходительство, д–р Овосек изволите быть, просим вас монументально, субито и престо отправиться с нами в Сулейманскую страну. Султан Сулейман убедительно просит и почтительно приглашает вас к себе во дворец. Но если вы станете отнекиваться или под каким–нибудь предлогом отговариваться, мы уведем вас насильно. Так что, ваше благородие, не перечьте нам!

– Вот так штука, – удивился дровосек. – Что же султану от меня надо?

– У него для вас кое–какая работа есть, – ответили послы.

– Согласен, – говорит дровосек. – Я как раз работу ищу. А надо вам сказать, на работу я – драч. Перемигнулись послы.

– Ваша ученость, – говорят, – это как раз то, что нам нужно.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Постойте, – возразил дровосек. – Сперва я хочу знать, сколько мне султан за работу заплатит. Над деньгами я не дрожу, да, может быть, он дрожит.

На это послы султана Сулейманского ответили учтиво:

– Это не важно, ваше превосходительство, что вы не изволите быть д–р Ожу нам д–р Овосек вполне подходит. А что касается государя нашего – султана Сулеймана, так уверяю вас, он – не д–р Ожит, а обыкновенный властитель и тиран.

– Ну, ладно, – сказал дровосек. – А насчет харчей как? Я ведь ем, как дракон, и пью, как дромадер.

– Все устроим, многоуважаемый, чтоб вы и в этом отношении остались довольны, – успокоили его сулейманцы.

После этого отвели они дровосека с великим почетом и славой на корабль и поплыли с ним в Сулейманскую страну. Как только приплыли, поднялся султан Сулейман скорей на трон и велел привести их к себе. Послы опустились перед ним на колени, и самый старший и усатый начал так:

– Всемиловейший государь наш и владыка, князь всех правоверных, господин султан Сулейман! По высокому твоему приказу отправились мы на остров, Европой называемый, чтобы отыскать там учнейшего, мудрейшего и достославнейшего доктора, который должен исцелить принцессу Зобеиду. И мы привезли его, государь. Это знаменитый, всемирно известный лекарь д–р Овосек. Чтоб вы имели представление, что это за доктор, скажу вам, что он работает, как д–р Ач, платить ему надо, как д–ру Ожу, ест он, как д–р Акон, а пьет как д–р Омадер. А все это тоже славные, ученые доктора, государь. Так что совершенно ясно: мы наткнулись на того, кто нам нужен. Гм, гм. В общем, вот и все.

– Добро пожаловать, д–р Овосек! – сказал султан Сулейман

– Прошу вас осмотреть дочь мою принцессу Зобеиду.

"Почему бы нет", – подумал дровосек.

Султан сам отвел его в затененную, полутемную комнату, устланную прекраснейшими коврами, перинами и пуховиками, на которых возлежала в полудремоте, бледная как полотно, принцесса Зобеида.

– Ай–ай–ай, – промолвил с состраданием дровосек, – дочка ваша, господин султан, ровно былинка.

– Просто беда, – вздохнул султан.

– Хилая какая, – сказал дровосек. – Видать, совсем извелась?

– Да, да, – печально подтвердил султан. – Ничего не ест.

– Худая, как щепка, – сказал дровосек. – Как ветوشка какая лежит. И в лице – ни кровинки, господин султан. Я так полагаю... дюже больна.

– Очень, очень больна, – уныло сказал султан. – Я затем и позвал вас, чтоб вы ее вылечили, д–р Овосек.

– Я? – удивился дровосек – С нами крестная сила! Да как же мне ее лечить?

– Это уж ваше дело, – глухим голосом ответил султан Сулейман. – На то вы и здесь; и разговаривать не о чем. Но имейте в виду если вы ее на ноги не поставите, я с вас голову сниму и – конец!

– Это дело не пойдет, – начал было перепуганный дровосек, но султан Сулейман не дал ему слова вымолвить.

– Без разговоров, – продолжал он строго – Мне некогда – я должен идти править страной. Принимайтесь за дело и покажите свое искусство. И он пошел, сел на трон и стал править. "Скверная история, – подумал дровосек, оставшись один – Здорово я влип! Мне вдруг лечить какую–то принцессу! Не угодно ли? Черт его знает, как это делается! Просто обухом по голове: с какого конца взяться? А не вылечишь девку, с плеч голову снимут. Кабы все это – не в сказке, так я бы сказал, что никуда не годится – ни за что ни про что людям головы рубить! И дернул меня черт в сказку попадать! Просто в жизни ничего такого со мной бы не случилось. Ей– богу, самому любопытно даже, как я вывернусь".

С такими и еще более мрачными мыслями дровосек пошел и сел, вздыхая, на порог султанова замка.

"Черт подери! – размышлял он. – Ну с какой стати меня заставляют здесь доктора разыгрывать? Кабы поручили мне вот это либо вон то дерево повалить, я бы им показал, чего стою! У меня бы щепки так во все стороны и полетели... А что–то смотрю я, больно густо у них вокруг дома деревья растут, ровно в лесу глухом. Солнышко в комнату не заглянет. Страшная, небось, сырость в избе – грибок, плесень, мокрицы! Погоди, я им покажу свою работу!"

Сказано – сделано. Скинул он куртку, поплевал на ладони, схватил топор, пилу и давай деревья валить, что вокруг султанского замка росли. Да не груши, яблони и орешины, как у нас, а все пальмы, да олеандры, да кокосы, драцены, латании, да фикусы, да красное дерево, да те деревья, что под самое небо растут, и прочую заморскую зелень. Если бы вы только видели, господин Мадияш, как наш дровосек на них накинудся! Когда пробило полдень, получилась вокруг замка порядочная вырубка. Отер дровосек пот с лица рукавом, вынул из кармана краюху черного хлеба с творогом, взятую из дома, и стал закусывать.

А принцесса Зобеида все это время спала в своей полутемной комнате. И никогда ей так сладко не спалось, как под шум, который дровосек возле замка своим топором и пилой поднял. Разбудила ее тишина, наступившая после того, как дровосек перестал валить деревья и, устроившись на поленнице дров, принялся жевать хлеб с творогом.

Открыла принцесса глаза – удивилась – отчего это в комнате вдруг так светло стало? Первый раз в жизни заглянуло в темную комнату солнце и залило ее всю небесным светом. Принцессу этот поток света просто ослепил. К тому же в окно хлынул такой сильный и приятный запах только что нарубленных дров, что принцесса стала дышать глубоко, с наслаждением. И к этому смолистому запаху примешивался еще какой–то, которого принцесса совсем не знала. Чем же это пахнет? Встала сна, подошла к окну – посмотреть: вместо сырого сумрака, залитая полднем солнцем вырубка; сидит там какой–то здоровенный дядя и с аппетитом кушает что–то черное и что–то белое; и вот оно–то как раз и пахло так приятно. Вы ведь знаете: вкуснее всего пахнет то, что другие едят.

Тут принцесса не могла больше выдержать: этот запах потянул ее вниз, вон из замка, ближе к обедающему дяде – посмотреть, что же такое он ест.

– А, принцесса! – промолвил дровосек с набитым ртом. – Не желаете ли кусочек хлеба с творогом?

Принцесса покраснела, смутилась: стыдно ей было признаться, что, мол, страшно хочется попробовать.

– Нате, – буркнул дровосек и отрезал ей кривым ножом порядочный кусок. – Держите.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Принцесса кинула взгляд по сторонам: не смотрит ли кто?

– Блдарю, – пролепетала она в виде благодарности. Потом, откусивши, воскликнула: – М–м–м, какая прелесть!

Вы понимаете, хлеба с творогом принцессы никогда в жизни не видят.

Тут как раз выглянул в окно сам султан Сулейман. И глазам своим не поверил: вместо сырого сумрака – светлая вырубка, залитая полуденным солнцем, а на поленнице дров сидит принцесса и уплетает что-то за обе щеки, – от уха до уха белые усы от творога, – да с таким аппетитом уписывает, какого у нее никогда не бывало.

– Слава тебе господи! – с облегчением вздохнул султан Сулейман. – Значит, молодцы мои настоящего, ученого доктора мне привели!

И с тех пор, господин Мадияш, начала принцесса в самом деле поправляться; появился у нее румянец на щеках, и есть стала, как волчонок. Все это – под влиянием света, воздуха, солнца: имейте в виду, я вам оттого про это рассказал, что вы тоже живете в пещере, куда солнце не заглядывает и ветер не доходит. А это, господин Мадияш, вредно для здоровья. Вот что я хотел вам сказать. Только гроновский доктор кончил свою сказку о принцессе Сулейманской, прибежал веснушчатый Винчек, ведя за собой доктора из Горжичек, доктора из Улице и доктора из Костельца.

– Привел! – крикнул он еще издали. – Ой батюшки, как бежал!

– Приветствую вас, уважаемые коллеги, – сказал гроновский доктор. – Вот наш пациент, – господин Мадияш, колдун. Как вы можете видеть, положение его весьма серьезное. Пациент объясняет, что проглотил косточку сливы или ренклода. По моему скромному мнению, болезнь его – скоротечная ренклотида.

– Гм, гм, – сказал доктор из Горжичек. – Я склонен думать, что это скорее удушливая сливитида.

– К сожалению, не могу согласиться с уважаемыми коллегами, – промолвил костелецкий доктор. – Я сказал бы, что в данном случае мы имеем дело с гортанной косткитидой.

– Господа, – отозвался упицкий доктор, – быть может, все мы сойдемся на том, что у господина Мадияша скоротечная ренклогортанная косткисливितिда.

– Поздравляю вас, господин Мадияш, – сказал доктор из Горжичек. – Это очень серьезное, тяжелое заболевание.

– Интересный случай, – поддержал доктор из Улице.

– У меня, – отозвался костелецкий доктор, – бывали более яркие и любопытные случаи. Вы не слышали, как я спас жизнь Гоготалу с Кракорки? Нет? Так я сейчас расскажу.

СЛУЧАЙ С ГОГОТАЛОМ

Много лет тому назад жил–был на Кракорке Гоготало. Был он, доложу я вам, одним из самых безобразных страшилищ, какие только существовали на свете. Скажем, идет прохожий лесом – и вдруг позади что-то этак засопит, забормочет, завопит, запричитает, завоюет либо ужасно захохочет. Понятное дело, у прохожего душа в пятки, такой страх на него нападет, и пустится он бежать, – улепетывает, сам себя не помня. А устраивал это Гоготало, и все эти безобразия творил он на Кракорке долгие годы, так что уж люди боялись туда по ночам ходить.

Вдруг приходит ко мне на прием удивительный человечек, – один рот, пасть от уха до уха, шея обмотана какой-то тряпкой. И сипит, хрипит, харкает, регочет, хрюкает, храпит, – ну ни слова у него не разберешь.

– На что жалуетесь? – спрашиваю.

– С вашего позволения, доктор, – сипит он в ответ, – охрип я малость.

– Вижу, – говорю. – А сами откуда?

Пациент почесал в затылке и опять прохрипел:

– Да, с вашего позволения, я и есть Гоготало с горы Кракорки.

– Ага, – говорю. – Так это вы – тот плут и хитрец, что людей в лесу пугает? Поделом вам, голубчик, что голос потеряли! Вы думаете, я буду лечить всякие ваши лари–да–фарингиты либо гатар кортани, то бишь катар гортани, – чтоб вам в лесу гоготать и людей до судорог доводить! Ну нет, хрипите и сипите себе сколько вам угодно. По крайней мере дадите другим покой.

Как взмолился тут Гоготало:

– Ради бога, доктор, вылечите меня от этой хрипоты. Я буду вести себя смирно, перестану людей пугать...

– Усиленно рекомендую вам перестать, – говорю. – Вы как раз своим гиканьем голосовые связки себе и надорвали, так что говорить не можете. Понимаете? Вам вредно в лесу орать, милый мой. Там холодно, сыро, а у вас дыхательные органы слишком чувствительны. Уж не знаю, удастся ли мне избавить вас от катара, но придется вам раз навсегда бросить пуганье прохожих и держаться подальше от леса, а то вас никто не вылечит.

Нахмурился Гоготало, почесал у себя за ухом.

– Тяжеленько это. Чем же я буду жить, коли брошу пуганье? Ведь я только и умею, что гикать да реветь, покуда в голосе.

– Чудак, – говорю ему. – С таким замечательным голосовым аппаратом, как у вас, я поступил бы в оперу певцом, а то стал бы рыночным торговцем, либо цирковым зазывалой. С таким великолепным могучим голосом зарываться в деревне просто обидно – как по–вашему? В городе вы нашли бы лучшее применение.

– Я сам подумывал об этом, – признался Гоготало. – Да, попробую найти себе другое занятие; вот только бы голос вернуть!

Ну, смазал я ему гортань йодом, государи мои, прописал хлористый кальций и марганцовку для полоскания, ангиноль внутрь и компрессы на горло. После этого о Гоготале на Кракорке больше не было слышно. Он в самом деле куда-то перебрался и перестал народ пугать.

СЛУЧАЙ С ГАВЛОВИЦКИМ ВОДЯНЫМ

– Был и у меня любопытный медицинский случай, – заговорил в свою очередь упицкий доктор. – У нас в Упе, за гавловицким мостом, в корнях верб и ольхи жил старик водяной. Звали его Иодгал Брючга, ворчун, страшилище, нелюдим; случалось, наводнение устраивал и даже детей топил во время купанья. Словом, его присутствие в реке никому радости не доставляло. Как-то раз осенью приходит ко мне на прием старичок взеленом фраке и с красным галстуком на шее; охает, чихает, кашляет, сморкается, вздыхает, потягивается, бормочет:

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Простудился я, дохтур, насморк схватил. Здесь ноет, тут колет, спину ломит, суставы выворачивает, кашлем всю грудь разбило, нос заложило так, что не продохнешь. Помогите, пожалуйста.

Выслушал я его и говорю:

– У вас ревматизм, дедушка; я дам вам вот эту мазь, то есть линаментум, чтоб вы знали; но эго не все. Вам нужно быть в теплом, сухом помещении, понимаете?

– Понимаю, – проворчал старик. – Только на счет сухости и тепла, молодой господин, не выйдет.

– Почему же не выйдет? – спрашиваю.

– Да потому, господин дохтур, что я – гавчовицкий водяной, – отвечает дед. – Ну как же я так устрою, чтобы в воде сухо и тепло было? Ведь мне и нос-то вытирать водной гладью приходится. В воде сплю и водой накрываюсь. Только вот теперь, на старости лет, стал из мягкой воды постель себе стелить вместо твердой, чтобы не так жестко лежать было. А насчет сухости и тепла – трудно.

– Ничего не поделаешь, дедушка. В холодной воде с таким ревматизмом вам быть вредно. Старые кости тепла требуют. Сколько вам лет-то, господин водяной?

– Охо-хо, – забормотал старик. – Я ведь, господин дохтур, еще с языческих времен на свете живу. Выходит несколько тысяч лет, а то и побольше. Да, немало пожил!

– Вот видите, – сказал я. – В ваши годы, дедушка, вам бы поближе к печке. Пойдите, мне пришла в голову мысль! Вы слышали о горячих ключах?

– Слыхал, как не слышать, – проворчал водяной. – Да ведь здесь таких нету.

– Здесь нет, но есть в Теплице, в Пиштянах, еще кое-где. Только глубоко под землей. И горячие ключи эти, имейте в виду, как будто нарочно созданы для больных ревматизмом старых водяных. Вы просто-напросто поселитесь в таком горячем источнике, как местный водяной, и заодно будете лечить свой ревматизм.

– Гм, гм, – промолвил дедушка в нерешительности. – А какие обязанности у водяного горячих ключей?

– Да не особенно сложные, – говорю. – Подавать все время горячую воду наверх, не позволяя ей остынуть. А излишек выпускать на земную поверхность. Вот и все.

– Это бы ничего, – проворчал гавловицкий водяной. – Что ж, поищу какой-нибудь такой ключ. Премного благодарен вам, господин дохтур. И заковылял из кабинета. А на том месте, где стоял, лужицу оставил.

И представьте себе, коллеги, – гавловицкий водяной оказался настолько благоразумным, что последовал моему совету: поселился в одном из горячих источников Словакии и выкачивает из недр земли столько кипятку, что в этом месте непрерывно бьет теплый ключ. И в горячих водах его купаются ревматики, с большой для себя пользой. Они съезжаются туда лечиться со всего света.

Последуйте его примеру, господин Мадияш, – исполняйте все, что мы, врачи, вам советуем.

СЛУЧАЙ С РУСАЛКАМИ

– У меня тоже был один интересный случай, – заговорил доктор из Горжичек. – Сплю я раз ночью как убитый, – вдруг слышу кто-то в окно стучит и зовет: "Доктор! Доктор!"

Открываю окно.

– В чем дело? – спрашиваю. – Я кому-нибудь понадобился?

– Да, – отвечает мне какой-то встревоженный, но приятный голос. – Иди! Иди, помоги!

– Кто это? – спрашиваю. – Кто меня зовет?

– Я, голос ночи, – послышалось из мрака. – Голос лунной ночи. Иди!

– Иду, иду, – ответил я, как во сне, и поспешно оделся.

Выхожу из дома – никого!

Признаюсь, я струхнул не на шутку.

– Эй! – зову вполголоса. – Есть тут кто-нибудь? Куда мне идти?

– За мной, за мной, – нежно простонал кто-то невидимый.

Пошел я на этот голос прямо по целине, не думая о дороге, сперва росистым лугом, потом бором. Ярko светила луна, и все застыло в ее холодных лучах. Господа, я знаю здешние края как свои пять пальцев; но той лунной ночью окружающее казалось чем-то нереальным, какой-то феерией. Иной раз узнаешь какой-то другой мир в самой знакомой обстановке.

Долго шел я на этот голос, вдруг вижу: да ведь это Ратиборжская долина, ей-богу.

– Сюда, сюда, доктор, – опять послышался голос.

Будто блеснув, всплеснула речная волна, и стою я на берегу Упы, на серебристом лугу, залитом луной. А посередине луга что-то светится: не то тело, не то просто туман; и слышу я – не то тихий плач, не то шум воды.

– Так, так, – говорю успокоительно. – Кто же мы такие и что у нас болит?

– Ах, доктор, – произнесла дрожащим голосом маленькая светящаяся туманность. – Я – просто вила, речная русалка. Мои сестры плясали, и я плясала с ними, как вдруг, сама не знаю почему, – может, о лунный луч споткнулась, может, поскользнулась на блестящей росинке, – только очутилась я на земле: лежу и встать не могу, и ножка болит, болит...

– Понимаю, мадемуазель, – сказал я. – У вас, как видно, фрактура, иначе говоря – перелом. Надо привести в порядок... Значит, вы – одна из тех русалок, что танцуют в этой долине? Так, так. А попадется молодой человек из Жернова или Слатаны, вы его закружите насмерть, да? Гм, гм. А знаете, милая? Ведь это безобразие. И на этот раз вам пришлось дорого за него заплатить, правда? Доигрались?

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Ах, доктор, – застонала светлинка на лугу, – если б вы только знали, как у меня ножка болит!

– Конечно, болит, – говорю. – Фрактура не может не болеть.

Я стал на колени возле русалки, чтоб осмотреть перелом.

Уважаемые коллеги, я вылечил не одну сотню переломов, но скажу вам: с русалками трудно иметь дело. У них все тело сплошь из одних лучей, причем кости образованы так называемыми жесткими лучами; в руку взять нельзя: зыбко, как дуновение ветерка, как свет, как туман. Извольте–ка это выпрямить, стянуть, забинтовать! Доложу вам, дьявольски трудная задача. Попробовал было паутинками обматывать, – кричит: "Ой–ой–ой! Режут, как веревки!" Хотел

иммобилизовать сломанную ножку лепестком цветка яблони, – плачет: "Ах, ах, давит, как камень!" Что делать? В конце концов снял я блик, металлический отблеск с крыльев стрекозы, или либеллы, и приготовил из него две дощечки. Затем разложил лунный луч, пропустив его сквозь каплю росы, на семь цветов радуги, и самым нежным из них, голубым, привязал эти дощечки к сломанной русалочьей ноге. Это было сущее мученье! Я весь вспотел; мне стало казаться, что полная луна жарит, как августовское солнце. Покончив с этой работой, сел рядом с русалкой и говорю:

– Теперь, мадемуазель, ведите себя смирно, не шевелите ножкой, пока не срастется. Но послушайте, душенька, я вам, с подругами вашими, просто удивляюсь: как это вы до сих пор здесь? Ведь все вилы и русалки, сколько их ни было, давным–давно в гораздо лучшие места перебрались...

– Куда? – перебила она.

– Да туда, где фильмы делают, знаете? – ответил я. – Они играют и танцуют для кино; денег у них куры не клюют, и все на них любят – слава на весь мир, мадемуазель! Все русалки и вилы давно в кино перешли, и все водяные и лешие, сколько их ни есть. Если бы вы только видели, какие на этих вилах туалеты и драгоценности! Никогда б не надели они такого простого платья, как на вас.

– О! – возразила русалка. – Наши платья ткутся из сияния светлячков!

– Да, – сказал я, – но таких уж не носят. И фасон теперь совсем не такой.

– С шлейфом? – взволнованно спросила русалка.

– Не сумею вам сказать, – сказал я. – Я в этом плохой знаток. Но мне пора уходить: скоро рассвет, а, насколько мне известно, вы, русалки, появляетесь только в темноте, правда? Итак, всего доброго, мадемуазель. А насчет кино подумайте!

Больше я этой русалки не видел. Думаю, ее сломанная берцовая косточка хорошо срослась. И можете себе представить: с тех пор русалки и вилы перестали появляться в Ратиборжской долине. Наверно, перешли в киностудии. Да вы сами в кино можете заметить: кажется, будто на экране двигаются барышни и дамы, а тела у них никакого нет, потрогать нельзя, все – сплошь из одних лучей: ясное дело – русалки! Вот отчего приходится в кино гасить свет и следить за тем, чтоб было темно: ведь вилы и всякие призраки боятся света и оживают только впотьмах.

Из этого также видно, что в настоящее время ни призраки, ни другие сказочные существа не могут показываться при дневном свете, если только не найдут себе другой, более дельной профессии. А возможностей у них для этого хоть отбавляй!

Господи, мы с вами так заболтались, дети, что совсем забыли о волшебнике Мадияше! И не мудрено; ведь он не может ни шепнуть, ни губами пошевелить: сливовая косточка все сидит у него в горле. Он может только потеть от страха, пучить глаза и думать: "Когда же эти четыре доктора помогут мне?"

– Ну–с, господин Мадияш, – сказал, наконец, доктор из Костельца. – Приступим к операции. Но сперва нам надо вымыть руки, так как для хирурга самое главное – чистота.

Все четверо принялись мыть руки: сперва вымыли в теплой воде, потом в чистом спирте, потом в бензине, потом в карболке. Потом надели чистые белые халаты... Ой, миленькие, сейчас начнется операция! Кто боится, пускай лучше закроет глаза.

– Винчек, – сказал доктор из Горжичек, – поддержи пациенту руки, чтоб он не шевелился.

– Вы готовы, господин Мадияш? – важно спросил доктор из Упице.

Мадияш кивнул головой. А сам ни жив ни мертв, колени трясутся от страха,

– Тогда приступим! – провозгласил гроновский доктор.

Тут доктор из Костельца развернулся и дал волшебнику Мадияшу такого тумака, или леща, в спину, что загремело так, будто гром грянул, и в Находе, Старкоче, даже в Смиржице народ стал оглядываться, не начинается ли гроза; земля затряслась, и в Сватоневице обвалилась галерея в заброшенной шахте, а в Находе закачалась колокольня; по всему краю до самого Трутнова, Полице и еще дальше вспугнулись все голуби, все собаки залезли от страха к себе в конуру и все кошки спрыгнули с печи; а сливовая косточка выскочила у Мадияша из горла с такой огромной силой и скоростью, что залетела за Пардубице и упала только возле Пржелоуче, убив в поле пару волов и уйдя на три сажени два локтя полторы стопы семь дюймов четыре пяди и четверть линии в землю.

Сперва выскочила у Мадияша из горла сливовая косточка, а за ней слова: "...тух нескладный!" Это была застрявшая половина той фразы, которую он хотел крикнуть веснушчатому Винцеку: "Ах ты, пентух нескладный!" Но она не улетела так далеко, а упала тут же, за Иозефовом, перешибив при этом старую грушу.

После этого Мадияш разгладил усы и промолвил:

– Очень вам благодарен!

– Не за что, – ответили четыре доктора. – Операция прошла удачно.

– Только, – прибавил упицкий доктор, – чтобы совсем избавиться от этой болезни, господин Мадияш, вам надо сотню–другую лет отдохнуть. Настоятельно рекомендую вам, как и гавловицкому водяному, переменить воздух и климат.

– Я согласен с коллегой, – поддержал гроновский доктор.

– Вы нуждаетесь в обилии солнца и воздуха, как принцесса Сулейманская. Исходя из этого, я горячо советовал бы вам пожить в пустыне Сахаре.

– Я со своей стороны разделяю эту точку зрения, – добавил костелецкий доктор. – Пустыня Сахара будет для вас чрезвычайно полезна, господин Мадияш, уже по одному тому, что там не растут сливы, которые могли бы явиться серьезной угрозой вашему здоровью.

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

– Присоединяюсь к мнению уважаемых коллег, – сказал доктор из Горжичек. – И уж раз вы – чародей, господин Мадияш, так в этой пустыне вы получите возможность исследовать и продумать вопрос о том, как наколдовать в ней влагу и плодородие, чтобы там могли жить и работать люди. Это была бы прекрасная сказка.

Что оставалось делать волшебнику Мадияшу? Он вежливо поблагодарил четырех докторов, упаковал свои волшебные чары и переехал с Гейшовины в пустыню Сахару. С тех пор у нас нет ни чародеев, ни колдунов, и это очень хорошо. Но волшебник Мадияш еще жив и размышляет над вопросом о том, как бы наколдовать в пустыне поля и леса, города и деревни. Может быть, вы, дети, дождетесь этого.